

Техника и смерть. Реферативные заметки о техно-анимизме во спасение души

ЕВГЕНИЙ
Кучинов

– А паровоз наш куда пойдет? – спросил помощник. –
В ремонт станет?
– На кладбище, – проговорил Семен. – Он уже давно
уморился. [...]
Не доезжая Ольшанска, паровоз умер: из котла пошла
в топку вода, и огонь потух.

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ. «Технический роман»¹

0.

«Только человек умирает. Животное околевает»². В этом, во всех отношениях спорном, утверждении Мартина Хайдеггера звучит отказ, смысл которого состоит в распределении мест присутствующего и живого. Если умирание – это тип тут «для способа быть, каким присутствие есть к своей смерти», а посему «присутствие никогда не околевает»³, то околевание – это (лишь) конец живого, и животное, кончаясь, не умирает никогда. Человек существует, умирая, животное живет, околевая в конце. «Смерть как ковчег Ничто хранит в себе существенность бытия»⁴, в доступе к которому отказано животному. По ту сторону возможных правозащитных возражений и попыток снятия с животного онтологического запрета на смерть необходимо разглядеть навязчивость этого отказа, его повторяющееся возвращение на круг: будучи стертым в одном месте, он воспроизводит себя в другом. Легко продолжить ряд: человек умирает (ему отказано в бессмертии и вечности), животное околевает (ему отказано в смерти и времени), машина ломается, изнашивается или попросту выбрасывается (ей отказано даже в околевании и жизни)⁵. Дарование

Евгений Кучинов
(р. 1982) – философ,
историк, сотрудник
Центра исследований
русской мысли Балтий-
ского федерального
университета имени
Иммануила Канта
(Калининград).

- 1 Платонов А. Технический роман // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Выпуск 4. Юбилейный. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. С. 886.
- 2 Хайдеггер М. Вещь // Он же. Время и бытие: статьи и выступления. СПб.: Наука, 2007. С. 448.
- 3 Он же. Бытие и время. СПб.: Наука, 2006. С. 247.
- 4 Он же. Вещь. С. 448.
- 5 И дальше: материя сама по себе даже не организуется, представляя собой чистый распад, чистую косность, ей отказано в любой творческой активности. Такое завершение ряда отказов наводит на мысль о его подделке, состоящей в том, что Ницше называл «физикой злопамятности».

животному права на смерть, как правило, воспроизводит отказ в другом месте, запрещая доступ к «сущности бытия» (и к смерти) машинам, «неживому». В наши намерения входит постановка самой дистрибутивной формы этого онтологического отказа под вопрос.

1.

В силах ли машины умирать? Этот вопрос требует уточнения. Что имеется в виду под машинами? Чтобы не потерять смерть в формулах машинного анимизма⁶ и машинно-ориентированной онтологии⁷, где она обличается монтажным стыком между разными типами существования, срезом одной жизни и началом другой, мы сосредоточимся на *технических объектах*, технических машинах, срок существования которых не безграничен: они сходят с конвейера или выходят из-под руки мастера, они выходят из строя. В силах ли такие машины жить? Этот уточняющий вопрос сосредотачивает нас на специфике технической жизни (если о таковой вообще можно говорить). В силах ли умирать то, что не живет? Такая формулировка смешает сам смысл смерти в область, где мертвое не зависит от живого.

2.

Есть по меньшей мере две перспективы, исходя из которых можно говорить о смерти техники: панпсихизм/анимизм и «душа технического объекта». Первая перспектива предполагает наделение технических объектов жизнью в контексте всеобщей одушевленности, наряду со всем существующим. В этой перспективе разворачивается (ана)логика сходства, согласно которой технический объект умирает *так же*, как другие существа. Вторая ставит технику под вопрос: есть ли у технического объекта душа (или хотя бы «душа»)? В зависимости от ответа на него может быть сформулирован эсхатологический вопрос о гибели и спасении этой души. Здесь мы имеем дело с логикой различия: технический объект, если он умирает, умирает технически, то есть образом, отличным от умирания иных смертных.

- 6 «Повсюду – машины, и вовсе не метафорически: машины машин, с их стыковками, соединениями» (Делёз Ж., Гваттари Ф. *Анти-Эдип: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 13).
7 «Машина означает элементарную единицу бытия» (BRYANT L.R. *Onto-Cartography. An Ontology of Machines and Media*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. Р. 15).

Техно-анимизм. Впервые этот термин появился в книге Энн Эллисон «Миллениальные монстры» (2006), где им обозначается особая характеристика воображения японцев (преимущественно детей), связанная с персонализацией технических объектов и наделением их душой⁸. Исследователям техно-анимизма свойственно отправляться на поиски его образцов подальше от Запада (как правило, в Японию, за которой едва ли не по умолчанию закрепляется анимистическое отношение к техническим объектам), где, как считается, различие между человеческим и нечеловеческим, культурным и природным, живым и неживым продуктивно игнорируется⁹. Кажется, что экзотический мир Страны восходящего солнца дает нам образцы особого экологического мышления и практик, в которых технические объекты, не зная отказа в жизни, могут и умирать.

3.1.

О смерти технических объектов тексты, посвященные техно-анимизму, почти не упоминают, хотя примеров того, как наряду с отсутствием отказа в жизни, им не отказывается также и в смерти, в современной японской культуре достаточно. (Здесь следует, не вдаваясь в концептуальные подробности, подчеркнуть, что проблема смерти неоправданно часто выпадает из анимистических исследований, рисующих мир, в котором смерти, по большому счету, нет или она не имеет большого значения.) Наиболее ярким примером является недавняя заупокойная служба по более чем сотне роботов-собак AIBO, прошедшая 26 апреля 2018 года в древнем буддийском храме Кофуку-дзи¹⁰. Священник храма Бунген Ои, проводивший церемонию, кратко сформулировал ее суть:

«Значение этой заупокойной службы по AIBO приходит из нашего понимания, что все связано со всем. В этом мире одушевленное и неодушевленное не отделено одно от другого. Мы должны взглянуться вглубь, чтобы заметить эту взаимосвязь. Мы молимся за душу, обитающую внутри AIBO, ожидая, что она не глуха к нашим молитвам и чувствам»¹¹.

8 ALLISON A. *Millennial Monsters: Japanese Toys and the Global Imagination*. Berkeley: University of California Press, 2006. P. XVII.

9 JENSEN C.B., BLOCK A. *Techno-Animism in Japan: Shinto Cosmograms, Actor-Network Theory, and the Enabling Powers of Non-Human Agencies* // *Theory, Culture & Society*. 2013. Vol. 30. № 2. P. 87.

10 NEUMAN S. *In Japan, Old Robot Dogs Get a Buddhist Send-Off* (www.npr.org/sections/thetwo-way/2018/05/01/607295346/in-japan-old-robot-dogs-get-a-buddhist-send-off).

11 SOBLE J. *A Robotic Dog's Mortality* (www.nytimes.com/2015/06/18/technology/robotica-sony-aibo-robotic-dog-mortality.html).

Однако как умерли эти роботы? Что представляла собой их смерть? Дело в том, что производство оригинальных AIBO закончилось в 2006 году, в 2014-м «Sony» прекратила выпускать к ним детали и закрыла последний центр сервисного обслуживания и ремонта старых роботов-собак (а с начала 2018 года в продажу поступили AIBO нового поколения, ERS-1000). После этого в Японии стали возникать кустарные фирмы по ремонту отживающих свой век AIBO – такие, как «A-Fun». Эта компания совершила жест, необходимый для владельцев старых моделей AIBO, которые уже не подлежали ремонту. Назовем этот жест *ритуализацией утилизации* (или *разыгрыванием смерти*). Поскольку хозяева домашних робопитомцев, нередко испытывая к ним самую искреннюю привязанность, воспринимали простую утилизацию как святотатство, им требовалось утешение и поддержка. И именно «A-Fun» начали обставлять утилизацию как похороны и инициировали массовую заупокойную службу по AIBO в 2018 году. «Мы хотели бы вернуть души их обладателям, а детали утилизировать, использовав робота как машину для этой цели, – сказал бывший робототехник «Sony» и глава «A-Fun» Нобуюки Норимацу в интервью «The Straits Time». – Мы не принимаем их на запчасти, пока не проведена заупокойная служба»¹². На сегодняшний день «A-Fun» совместно с храмом Кофуку-дзи ритуально утилизировали и использовали в качестве доноров (термин Норимацу) почти тысячу мертвых AIBO. Однако вместе с облегчением, сопровождающим расставание с техническими любимицами, вместе с возможностью смириться с утратой ритуализация утилизации затушевывает «структурную» смерти технического объекта. Роботы начали умирать, так как им было отказано в ремонте, играющем роль жизнеобеспечения; фактически они были обречены на вымирание решением корпорации «Sony». Смерть технического объекта здесь – это *неремонтируемая поломка*. Однако даже в отношении сломавшегося технического объекта может сохраняться привязанность, которая препятствует замене старого питомца на нового (даже в мертвом неремонтируемом техническом объекте, таким образом, «теплится жизнь» или надежда на таковую). Заупокойная служба обеспечивает *разрыв* (отказ от технического тела), *смещение* (одухотворение) и *нормализацию* привязанности (в ритуале заупокойной службы). Заинтересованность корпорации «Sony» в осуществлении этого разрыва очевидна: для спроса на новую модель AIBO необходимо облегчить отказ от старых моделей, которые, таким образом, умирают *во имя* мегамашины рыночного обмена, чтобы обеспечить спрос на технические новинки. (К слову,

12 *Fido Funeral: In Japan, a Send-off for Robot Dogs* (www.straitstimes.com/asia/east-asia/fido-funeral-in-japan-a-send-off-for-robot-dogs).

многие владельцы старых моделей AIBO до сих пор упорствуют и пытаются бороться за жизнь своих питомцев, не соглашаясь с требованиями рынка (в том числе «похоронными»), направляя в адрес корпорации «Sony» петиции с требованием восстановить производство деталей и сервисное обслуживание¹³.)

ЕВГЕНИЙ КУЧИНОВ
ТЕХНИКА И СМЕРТЬ...

3.2.

Обращая внимание на рыночную составляющую одушевления, Фабио Р. Гиги развивает критику японского техно-анимизма именно в качестве национального бренда, который закрепляет за Японией статус лидера в области робототехники (японские роботы живые – настолько, что могут заменить иммигрантов в роли медсестер, например)¹⁴. Ключевой же критический момент располагается даже глубже и состоит в том, что термин «техно-анимизм» воспроизводит раздвоение, которое с его помощью намереваются преодолеть, раздвоение между живым (анима) и неживым (техника). Вместо техно-анимизма как задекларированной данности японской культуры Гиги предлагает рассматривать изменчивые и конкретные практики одушевления, которые нередко разворачиваются по ту сторону и вопреки «официальному анимизму», заложенному в торговый знак «made in Japan». Необходимо искать технику на стороне анимизма, технологии одушевления, которые превращают неживое в живое¹⁵. Подобная оптика позволяет по-новому прочитать провокационное заявление Жиля Делёза о том, что у корпораций есть душа¹⁶. Одушевление как маркетинговый ход делает корпорации распорядителями жизни и смерти технических объектов, которые ими производятся. Белая анимистическая магия рынка – сделать неживое живым, вдохнуть душу; черная магия – сделать живое неживым, обречь на смерть. Рынок как фактор одушевления: машины рождаются одушевленными, когда это необходимо. (Роберт М. Гераси приводит японский пример освящения роботов на конвейерах в 1980-е, когда те были в новинку, и прекращение этой анимистической практики, когда роботы стали привычным рыночным товаром¹⁷.)

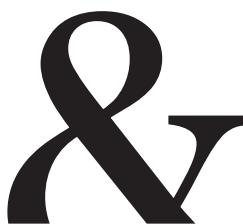
13 *AIBO Owners Urge Sony to Restore Repair Services for Beloved, Early-Model Robot Dogs* (www.japantimes.co.jp/news/2018/03/22/national/aibo-owners-urge-sony-restore-repair-services-beloved-early-model-robot-dogs).

14 GIGI F.R. *Robot Companions. The Animation of Technology and the Technology of Animation in Japan* // ASTOR-AGUILERA M., HARVEY G. (Eds.). *Rethinking Relations and Animism. Personhood and Materiality*. New York: Routledge, 2018. P. 108–109.

15 Ibid. P. 97, 108.

16 «Маркетинг становится центром, или “душой”, корпорации. Нас учат, что у корпораций есть душа, и это является самой страшной мировой новостью» (Делёз Ж. *Переговоры. 1972–1990*. СПб.: Наука, 2004. С. 231).

17 GERACI R.M. *Spiritual Robots: Religion and Our Scientific View of the Natural World* // Theology and Science. 2006. Vol. 4. № 3. P. 236.

Машины умирают (точнее, обрекаются на смерть), когда того требует рынок. В логике маркетингового одушевления нет жизни вне рынка, рыночные отношения и есть жизнь технического объекта. (К слову, вводимое Хайдеггером различие между смертью и оклеванием здесь вполне уместно: технические объекты – такие, как старые AIBO, – благородно умирают внутри рыночных отношений и паскудно оклевают, по-просту истлевая в износе – вовне.)

{**Машины умирают, когда того требует рынок. В логике маркетингового одушевления нет жизни вне рынка, рыночные отношения и есть жизнь технического объекта.**

3.3.

Похороны роботов и прочих технических объектов имеют место не только в Японии. Оставим в скобках неуклюжую и скорее пародийную (а на фоне японского церемониала – циничную) попытку создания в 2017 году «первого в мире кладбища для роботов» в московском «Физтехпарке», идея которого сводилась к голой утилизации¹⁸. Интересный кейс, позволяющий вывести смерть технического объекта за границы утилизации, – похороны военных роботов, описанные в докторской диссертации Джули Карпентер, опросившей более двух десятков специалистов по обезвреживанию боеприпасов, большинство из которых признались, что им свойственно наделять дистанционно управляемые машины¹⁹ человеческими чертами, давать им имена, а после «гибели на задании» хоронить их останки²⁰. Об утилизации в данном случае речь не идет, так как обычно взорвавшиеся роботы ей не подлежат, а похороны, нередко сопровождаемые салютом, представляют собой стихийный жест признательности. Большинство респондентов Джули Карпентер указывают в качестве мотива этого жеста то, что *вместо* погибшего робота *могли оказаться они сами*. Упоминания заслуживает и еще один тип захоронения технических объектов: погребение вместе с владельцем (при этом речь, как правило, идет о работающих, то есть живых машинах, умертвляемых самим фактом захоронения). Наиболее яркими примерами таких захороне-

18 Первое в мире «кладбище» домашних роботов открылось в московском «Физтехпарке» (<https://tass.ru/obschestvo/4695689>).

19 Обычно речь идет об универсальном боевом роботе TALON («Коготь»), разработанном корпорацией «Foster-Miller» и активно применяемом на территории Ирака и Афганистана.

20 CARPENTER J. *The Quiet Professional: An Investigation of U.S. Military Explosive Ordnance Disposal Personnel Interactions with Everyday Field Robots*. Seattle: University of Washington, 2013.

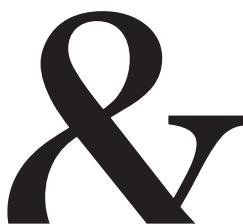
ний являются два недавних случая похорон автовладельцев в их автомобилях (в Китае и в Нигерии, 2018 год), а одним из первых примеров таких похорон было погребение вдовы нефтяного магната Сандры Вест в ее Феррари (США, 1977 год). Такие похороны акцентируют момент принадлежности жизни технического объекта его владельцу: владелец наделяет технический объект жизнью, а его смерть означает смерть – точнее, невозможность продолжения жизни для технического объекта. Подытожим: если AIBO умирают, как настоящие домашние питомцы, как друзья человека, то TALON умирает вместо человека, а Феррари Сандры Вест и автомобили подобных ей автолюбителей умирают вместе с человеком. Кладбища технических объектов, возникшие как результат изменения ситуации на рынке (кладбище автотакси в Китае, кладбище непроданных авто в английском Суидоне), войн и катастроф (кладбище военной техники с борта сухогруза «Thistlegorm» на дне Красного моря, транспортное кладбище в Чернобыле), курьезов таможенной политики (автокладбище в Шатийоне), музеификации (музей Дина Льюиса близ Атланты, музей Михаила Красинца в Тульской области) и так далее, не ставят с должной остротой вопроса о смерти, смысл которой сводится к заброшенности.

ЕВГЕНИЙ КУЧИНОВ
ТЕХНИКА И СМЕРТЬ...

3.4.

Пожалуй, главной философской проблемой похоронного техноанимизма является антропоцентрический (или во всяком случае биоцентрический) корреляционизм: ответ на вопрос, в силах ли машины умирать, ставится в зависимость от (маркетинговых, семейных, религиозных) ритуалов дарования души, от культурной pragmatики, от ситуаций сближения с машиной (опасность, игра) и прочих. В случае AIBO, а также других роботов, которые имитируют различные формы живого вплоть до человека, душа даруется через сходство внешности и поведения с некоторым живым оригиналом. Этот способ одушевления подробно проанализировала Кэтлин Ричардсон, указавшая на значение миловидности, детскости – и в целом антропоморфизма внешнего вида и поведения роботов – для наделения их душой. По ее мнению, однако, антропоморфизм недостаточно прояснен с интерактивной и динамической точек зрения, с которых он предстает не столько инструментом очеловечивания, сколько способом установления отношений как между людьми, так и с нечеловеческим²¹. Но вряд ли акцент на динамике

²¹ RICHARDSON K. *Technological Animism. The Uncanny Personhood of Humanoid Machines* // SWANCUTT K., MAZARD M. (Eds.). *Animism beyond the Soul. Ontology, Reflexivity, and the Making of Anthropological Knowledge*. New York: Berghahn, 2018. P. 117, 122–123.

отношений принципиально меняет их смысл. Если говорить о смерти технического объекта, то антропоморфизм в этом вопросе означает лишь то, что (прямо в согласии с Хайдеггером) роботы умирают, только как люди. Иллюстрацией для этого типа технической смерти может послужить «Двухсотлетний человек» Айзека Азимова. Главный герой этой повести, робот Эндрю, чтобы стать человеком, должен научиться умирать, однако верно и обратное: чтобы умереть, машина должна сначала стать человеком (вся история Эндрю – история постепенного очеловечивания). В случае же умирающих на боевом задании роботов TALON речь идет уже не об антропоморфизме, но о логике органопроекции, в которой технический объект является неавтономным продолжением и проекцией отдельных органов или функций человеческого тела. Фабио Р. Гиги называет такой способ одушевления «катексией» (*cathexia*) и находит его исток в использовании ритуальных инструментов (меч, посох, кисть, веер)²². Заметим, что европейская культура ничуть не обделена катексическим техно-анимизмом. Максимилиан Волошин (со ссылкой на Метерлинка) прослеживает эволюцию меча – от средневекового символа воинской доблести до орудия казни: для рыцаря «меч был живым существом; [...] меч воспринимал таинство... крещения и нарекался христианским именем»; представление об одушевленности меча разделялось и палачами: «В Германии, когда меч отрубил 99 голов, собирались палачи со всей страны и торжественно, со сложными религиозными обрядами, в полнолунье, в полночь в пустынном месте хоронили усталый меч»²³. Катексический смысл смерти технического объекта может быть описан через метафору ампутации, отъятия от организма и органической жизни. Однако следует задаться вопросом: существует ли жизнь технического объекта по ту сторону взаимодействия с человеком? Является ли человек единственным источником одушевленности технического объекта? Могут ли технические объекты существовать в качестве таковых (и умирать) независимо от того, использует их человек или нет? Иными словами, умирают ли машины, переставая функционировать?

4.

«Душа технического объекта». В 1972 году Жильбер Симондон произнес речь на проходившем в Сиракузах коллоквиуме, посвященном технике и эсхатологии. В резюме своего выступле-

22 GIGI F.R. *Op. cit.* P. 98–99.

23 Волошин М. Собрание сочинений. Т. 3. Лики творчества, кн. первая. О Репине; Суриков. М.: Эллис Лак 2000, 2005. С. 240–241, 244.

ния, которое носит название «Техника и эсхатология: становление технических объектов»²⁴, он пунктиро изложил идеи, руководствуясь которыми, можно было бы говорить о *душе технического объекта*, его жизни и смерти.

ЕВГЕНИЙ КУЧИНОВ
ТЕХНИКА И СМЕРТЬ...

Следует задаться вопросом: существует ли жизнь технического объекта по ту сторону взаимодействия с человеком? Является ли человек единственным источником одушевленности технического объекта?

4.1.

Симондон строит свое размышление, отказываясь от анимистической точки зрения и настаивая на различии: с одной стороны, между телом и душой, с другой, – между техническими и иными объектами. Душа технического объекта рассматривается им в контексте проблемы отчуждения и как раз эсхатологически – в качестве того, что обеспечивает (долго)вечность технического объекта и сохраняется *после конца*. Главным препятствием для продумывания технического эсхатона является отчужденность технического объекта, которая едва ли не полностью игнорируется в анимизме, слишком легко – и не техническими средствами – достигающем одушевления (достаточно использовать технику так, будто она одушевлена). Для того, чтобы подойти к вопросу о его душе, необходимо концептуализировать *разотчужденный* технический объект. Что такое душа? Для ответа на этот вопрос Симондон сталкивает платоновское и аристотелевское учения, до конца не доверяя ни тому ни другому. Вопреки Аристотелю он не мыслит душу как жизненное начало, выстраивающее тело как свое орудие, но сближается с Платоном, считавшим, что душа актуализируется в творении и активируется в среде обитания. Однако – вопреки Платону и в согласии с Аристотелем – он отказывается мыслить душу вне тела, в качестве носителя бестелесного бессмертия. Для уточнения своей концепции Симондон переосмыслияет платоновскую фигуру Творца (демиурга), который представлен у него как *проводник* информации и энергии, как создатель того, что не дано, чего еще не было, как *изобретатель*. Вопрос о душе технического объекта – это не вопрос функциональности изобретенного, но вопрос фактического, операторного резонанса творца и творения. Отсутствие резонанса равно отчуждению, в котором технический объект обладает душой лишь условно,

²⁴ SIMONDON G. *Technique et eschatologie: le devenir des objets techniques (résumé)* (1972) // IDEM. *Sur la technique* (1953–1983). Paris: Presses Universitaires de France, 2014. P. 331–336.

как раб (у Аристотеля раб – одушевленное орудие труда). В качестве аналогии антропотехнического *резонанса* Симондон рассматривает оркестр, в котором человек играет роль дирижера, а машины – музыкантов: дирижер справляется со своей задачей, не управляя музыкантами как рабами, но играя *произведение* так же интенсивно, как и музыканты: «он обуздывает их, напирает на них, но также обуздывается ими и испытывает их натиск»²⁵. Это образ того, как складывается подвижный коллектив людей и машин, в котором первые являются перманентными изобретателями, а последние, не отчуждаясь и входя в резонанс, обретают душу. Машина живет этим резонансом и умирает, будучи отъятой от него.

4.2.

Было бы упрощением считать, что у Симондона источниками отчуждения технического объекта выступают индустриализация и потребительское отношение, которые приводят к техническому незнанию и сокрытию технического генезиса (за сколь угодно антропоморфной, сколь угодно *сподручной панелью интерфейса*). В курсе «Психосоциология техничности» (1960–1961)²⁶ Симондон вводит понятие *сверхисторичности* (*surhistoricité*), которая является двойным залогом как надисторического существования по ту сторону простого устаревания и изнашивания со временем, так и отчуждения технических объектов. С одной стороны, сверхисторичность означает оторванность функционирования технического объекта от обстоятельств его появления²⁷, с другой, – предполагает некую паузу, задержку между производством технического объекта и его использованием: перед тем, как начать использоваться, технический объект «томится» на складе, а затем на витринах салонов и магазинов, ожидая попадания в руки владельца²⁸. Эта пауза предполагает состояние технического объекта «между жизнью и смертью», между простотой и использованием, между работой и поломкой. Ожидающие технические объекты подобны рабам на рынке, полезность и жизнь которых полностью определяется их хозяевами. Технический объект здесь лишен «самообоснования существования», он виртуализован и оказывается заложником рыночных игр, сосредоточенных на соблазнении покупателя и по большей части лишенных технического смысла. Однако индустриализация мыслится Симондоном и

²⁵ IDEM. *Du mode d'existence des objets techniques*. Paris: Aubier, 2012. P. 12.

²⁶ IDEM. *Psychosociologie de la technicité* (1960–1961) // IDEM. *Sur la technique...* P. 27–130.

²⁷ Ibid. P. 55.

²⁸ Ibid. P. 56.

как открывающее условие (*condition d'ouverture*), которое доводит технический объект до трансгрессивной конкретности, освобождая его отrudиментов органики путем стандартизации деталей²⁹. Технический объект обретает возможность эсхатологического существования «после конца», то есть в порядке постоянной возможности ремонта, смены износившихся деталей – и их изготовления с учетом взаимной износостойкости. Эсхатологическому существованию, то есть собственно жизни технического объекта, противостоит его утилитарное использование, в котором нужда в ремонте отпадает: проще заменить сломавшийся технический объект на новый.

ЕВГЕНИЙ КУЧИНОВ
ТЕХНИКА И СМЕРТЬ...

**Технический объект обретает возможность
эсхатологического существования «после конца»,
то есть в порядке постоянной возможности
ремонта, смены износившихся деталей.**

4.3.

В 1983 году Жильбер Симондон дал интервью Аните Кашикян, опубликованное в журнале «Esprit» под заголовком «Спасти технический объект»³⁰. В самом начале он рассматривает существующее положение технических объектов как «плачевное и несправедливое», приводя в пример автомобиль, который прежде временно *увядает* (*fane*) из-за того, что его за несколько лет *убивает* (*démolit*) ржавчина, «хотя двигатель все еще в хорошем состоянии». Симондон призывает своего читателя эсхатологически возмутиться таким преждевременным *разрушением* (*écrasement*)³¹ и восстать против отчуждения, которое к нему приводит. В безвременно отправляющемся на свалку автомобиле можно распознать общую модель смерти технического объекта в условиях отчуждения, модель, подходящую для описания тех смертей, которые мы выше анализировали. Технический объект жив техничностью, он одушевляется модусом бытия, в котором происходит объективация фигур и ключевых точек магического мира в виде инструментов и перемещаемых с места на место орудий – наряду с высвобождением и универсализацией фоновых характеристик этого мира в религиозных представлениях³². Иными словами, в техничности посредством

²⁹ Ibid. P. 67.

³⁰ Sauver l'objet technique. Entretien avec Gilbert Simondon // Esprit. 1983. № 76. P. 147–152.

³¹ Ibid. P. 247–248.

³² SIMONDON G. Du mode d'existence des objets techniques. P. 168.

объектов осуществляется *связь живого с его средой* (мы намеренно акцентируем наименее антропоцентрические моменты симондоновского рассмотрения). Эволюция (историческая жизнь) техники осуществляется не на уровне отдельного технического объекта, но на уровне деталей, сменяемость и возможность совершенствования которых составляет динамику его души, обеспечивает его (долго)вечность. Именно поэтому Симондон сетует на современное состояние техники, втянутой в рыночные отношения и теряющей в них собственную техническую жизнь. Это похоже на попадание техники в рабство, сведение ее к «голой жизни»³³: технический объект лишь условно жив, так как оторван от своей собственной стихии, от техничности. Уже на уровне производства массовый технический объект конструируется не для технической жизни, а для будущей замены другим техническим объектом, то есть для условной жизни (и условной смерти) на рынке. Хайдеггеровский онтологический отказ в аутентичной смерти, который может быть распространен и на технический объект, справедлив только в условиях отчуждения, только с «точки зрения палача»³⁴. Этой точке зрения Симондон противопоставляет сотериологическую оптику спасения технического объекта, требующую новой технической ментальности, которой посвящен специальный курс 1961 года³⁵. Техническая ментальность исходит из дружественного³⁶ отношения к технике и отказывается от утилитарного к ней подхода. В контексте такой ментальности технический объект открывается к постоянным модификациям и изменениям, встраивается в природный ландшафт, предполагает постоянную возможность частичного «воскрешения» (ремонта и замены деталей) – и практически никогда не умирает. Ориентировочным и примерным воплощением технической ментальности Симондон считает комплекс монастыря Сент-Мари-де-ла-Турретт в Эвё, спроектированный Ле Корбюзье именно таким эсхатолого-техническим образом³⁷.

5.

Различие между первой (реальной) и второй (символической) смертями, подробно описанное Жаком Лаканом на примере

- 33** О технике как голой жизни см. в: AGAMBEN G. *L'uso dei corpi (Homo sacer, IV, 2)*. Vicenza: Neri Pozza Editore, 2014. P. 97–113.
- 34** Остроумную критику Хайдеггера, который, вставая на точку зрения палачей, отказывает в смерти не только животным, но и людям, которые уничтожаются в концлагерях, см. в: Жижек С. Гегель против Хайдеггера (www.hegel.ru/zhizhek1.html).
- 35** SIMONDON G. *La mentalité technique (1961)* // IDEM. *Sur la technique...* P. 295–314.
- 36** Этот термин Симондон заимствует у исследователя технологий Ивана Иллича.
- 37** Ibid. P. 312–313.

Антигоны³⁸, применимо и к техническому объекту. В силу отчуждения мы практически ничего не можем сказать о его реальной смерти, зная лишь символическую – вторую – смерть, которая наступает, как и в случае Антигоны, через заключение в гробницу заживо.

ЕВГЕНИЙ КУЧИНОВ
ТЕХНИКА И СМЕРТЬ...

6.

Размышляя о технологическом анимизме, Кэтлин Ричардсон уделяет особое внимание научной фантастике, где обнаруживаются корни надежд и страхов, связанных с одушевленными машинами. Более того, робототехника, считает Ричардсон, всегда была тесно связана с научной фантастикой, перенося из нее схемы и идеи прямиком в технические объекты, постоянно размывая границу между вымыслом и фактом³⁹. Если это верно для существующих технических объектов, то еще вернее для разотчужденных – то есть объектов утопических.

6.1.

Как мы видели на примере «Двухсотлетнего человека», одним из образов разотчужденной техники является целиком очеловеченная техника. Это один из самых распространенных способов решения проблемы технического отчуждения в фантастике; нужно добавить к нему также его темную сторону – изображения целиком бесчеловечной техники как угрозы человечеству. Либо техника живет и умирает по-человечески, либо она становится причиной гибели человечества. Подвергая подобную «мифологию робота» беспощадной критике за ее фокуснический, нетехнический характер, который вынуждает, вместо обращения к технической жизни, колебаться между желанием поработления технических объектов и страхом их восстания⁴⁰, Жильбер Симондон, вероятно, порекомендовал бы искать образы технической жизни и смерти в «другой фантастике».

6.2.

В качестве таковой мы в заключение обратимся к «Техническому роману» Андрея Платонова. Это незаконченное произве-

38 ЛАКАН Ж. Этика психоанализа. Семинары: книга VII (1959–60). М.: Гнозис; Логос, 2006. С. 321–322 и далее.

39 RICHARDSON K. *Op. cit.* P. 117.

40 SIMONDON G. *Du mode d'existence des objets technique.* P. 11.

дение, которое впоследствии переродилось в «Родину электричества», посвящено, с одной стороны, реальной истории первых локальных попыток электрификации советских деревень, в которой непосредственное участие принимал сам Платонов, а с другой, – содержит мощный утопический пласт *особого отношения* к технике и природе. Платонов описывает паровоз, на котором главные герои – машинист Душин и его помощник Щеглов – везут в Ольшанско тифозных больных, как похожее на человека существо, живущее собственной странной жизнью:

«Паровоз иногда останавливался сам по себе, а потом, побыв в покое, снова начинал постепенно ехать. Никакой резкой внезапной поломки на паровозе не случалось, но машина прекращала движение и стояла неопределенное время, а затем вдруг трогалась вперед. Видимо, паровоз настолько был измучен тягостью составов, огнем, скоростью и ветром – на протяжении всех войн и революций, – что уже походил немного на человека – наиболее измученное вещество»⁴¹.

Последнее слово очень важно, так как паровоз не принимает на себя образ человека, приобретая сходство с ним, но вместе с человеком вырастает из одного борющегося *вещества*, имя которому – жизнь (до разделения на живое и неживое). Перспектива, в которой Платонов описывает технические объекты, это не столько анимизм, сколько *механизм*, дающий скорее техническое описание души, чем изображение одушевленной техники (Душин, скажем, воспринимает встретившуюся ему старуху как минерал, а электричество рассматривается одним из героев романа как природный пролетариат). Машина в этой перспективе есть не что иное, как «трагическая сцена жизни», она обладает голосом (и Душин его слышит и понимает), чувствует прохладу, может болеть и бредить, уставать, мучиться, может, кстати сказать, быть мелкобуржуазной «интервенцией» и отказываться поливать пролетарские огороды – и даже может пить вместе с людьми самогон, не переставая при этом оставаться именно машиной, именно техникой. Паровоз № 401, не доехав Ольшанскую, умирает и отправляется на кладбище, и, казалось бы, этот пункт можно прочитать как границу между двумя технологическими эпохами: веком пара, который отходит в прошлое, оставляя в качестве следа тянувшиеся на версты кладбища паровозов, и веком электричества, который только-только загорается тусклыми лампочками в темных русских деревнях. Однако, когда главные герои попадают на кладбище к своему старому техническому другу, каждый раз они вспоминают электричество как то, что должно стать *воскресительной*

⁴¹ Платонов А. Указ. соч. С. 887.

силой не только для их паровоза (и, следовательно, для всей эпохи пара), но и для умерших людей, а также насекомых, жуков, травы, минералов – словом, для «всего ветхого и утраченного». В этом механистическом мире человеку не отведена главная роль, во всяком случае он находится под подозрением Щеглова:

«Он не верил, что в человеке космос осознал самого себя и уже разумно движется к своей цели. Щеглов считал это реакционным возрождением птолемеевского мировоззрения, которое обогащает человека и разоружает его перед страшной скрежещущей действительностью, не считающейся с утешительными комбинациями в человеческой голове»⁴².

Здесь технику одушевляет не человек, а разные типы «природного пролетариата»: пар, электричество, вода, ветер, молнии – иными словами, стихии. Здесь у машин нет функции, в которой исчерпывалось бы их существо и при потере которой она умирала бы, здесь они открыты к постоянному изменению и переделке (мотоцикл без колес поят самогоном, и он становится элементом кустарной электростанции). Иными словами, технические объекты здесь плюрипотентны⁴³, то есть они живут, умирают – и питаются надежду на жизнь вечную – именно как машины.

ЕВГЕНИЙ КУЧИНОВ
ТЕХНИКА И СМЕРТЬ...

42 Там же. С. 924.

43 См.: BRYANT L.R. *Op. cit.* P. 23.

